

АЛЕКСАНДР ХАЩКЕВИЧ (Минск)

**К ВОПРОСУ О РАЗОРУЖЕНИИ ФОРМИРОВАНИЙ
ПОЛЬСКОЙ АРМИИ КРАИОВОЙ
В НАЛИБОКСКОЙ И НАРОЧАНСКОЙ ПУЩАХ (1943-1944)**

Подпольные партийные и комсомольские органы, командование партизанских бригад, отрядов и соединений в западных областях Белоруссии в период их гитлеровской оккупации во взаимоотношениях с польским подпольем руководствовались директивными указаниями, изложенными в закрытом письме ЦК КП(б)Б от 22 июня 1943 года “О военно-политических задачах работы в западных областях БССР”, подписанным первым секретарем ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. Они сводились к следующему:

В письме указывалось, что в политической работе необходимо учитывать обстановку в этих областях, разъяснять положение СССР, крепость социалистического строя и неизбежность поражения немцев, высказывания И. В. Сталина о построении сильной и независимой послевоенной Польши, о единстве славян, разоблачать капитулянтскую политику польского эмигрантского правительства, его стремление развернуть в западных областях Белоруссии и Украины широкую сеть польских подпольных националистических организаций и вооруженных отрядов, засылать сюда своих эмиссаров. Всячески пропагандировать создание на территории СССР “Союза польских патриотов” и дивизии имени Т. Костюшко.

Далее в письме делался главный акцент на повсеместное создание в западных областях партизанских отрядов, боевых групп и подпольных организаций, состоящих из белорусского населения. “Существование различного рода организаций, – подчеркивалось в письме, – направляемых польскими националистическими (виленским, лоблинским, варшавским и др.) центрами, должно рассматриваться как противозаконное вмешательство в дела и интересы нашей страны”¹.

В районах, где уже имелись польские националистические отряды и группы, созданные реакционными кругами, рекомендовалось внедрять в них свою агентуру с целью разложения и перетягивания трудящихся

поляков на свою сторону. Создание партизанских отрядов из поляков допускалось лишь в том случае, если в них будет обеспечено советское политическое влияние и они будут вести борьбу в интересах СССР.

Письмо заканчивалось ясной и четкой установкой: “В районах, где имеется уже влияние наших партизанских отрядов и подпольных центров, действий групп националистических польских реакционных кругов не допускать. Руководителей незаметным образом устранять. Отряды или распускать и базы оружия забирать или, если предоставляется возможным, отряды брать под свое надежное влияние”².

Проследим хотя бы кратко как же развивались в этих областях события и как выполнялись директивные указания ПК КП(б)Б и его секретаря П. К. Пономаренко.

Напомним, что польская военная конспирация в западных областях республики возникла значительно раньше советского партизанского движения (некоторые подпольные организации и группы существовали здесь с 1939-1941 гг.), была широко разветвленной, хорошо организованной, объединяла большое количество поляков и белорусов-католиков. В военно-политическом отношении она подчинялась польскому правительству в Лондоне и его эмиссарам на местах. Это правительство и Верховное командование Армии Крайовой (создана в феврале 1942 года на основе объединения “Союза вооруженной борьбы” и других подпольных организаций – А. Х.) руководствовались теорией “двух врагов” – гитлеровская Германия и Советский Союз. Исходя из нее всем местным подпольным организациям давалась директива: накапливать силы, вооружаться, активных боевых действий против немцев не проводить (“Держать винтовку у ноги”), с советскими партизанами поддерживать информационную связь, но не сливаться с ними и ждать дальнейших указаний из центра. Конечная цель борьбы польскому правительству в эмиграции и его военным структурам в стране виделась в восстановлении независимой Польши в границах до сентября 1939 года. Одним из главных средств достижения этой цели казалось им обескровливание “двух врагов” – Гитлера и Сталина.

После подписания 30 июля 1941 г. договора “Сикорский-Майский” и Советско-польского военного соглашения (14 августа 1941 г.), а в декабре – Декларации “Сталин-Сикорский” в эту “теорию” были внесены некоторые коррективы. Однако до конца второй мировой войны она оставалась по существу одним из краеугольных камней политики польского правительства в изгнании в отношении СССР. Именно в этой утопической теории, на наш взгляд, следует искать ключ трагедии, которая постигла местные польские вооруженные формирования АК в западных областях Белоруссии, которые возникли здесь весной и летом 1943 года. На первых порах эти формирования (отряд имени Тадеуша Костюшко

в Налибокской пуще под командованием поручника Каспера Милашевского (Левальда), бригада под командованием подхоружего Антона Бужинского-Кмитица у озера Нарочь и др.) лояльно относились к советским партизанским отрядам и бригадам, обменивались взаимной информацией о противнике, совместно отражали карательные операции гитлеровцев. Они провели самостоятельно и с помощью советских партизан ряд боевых акций по разгрому отдельных опорных пунктов противника (например, в Ивенце 19-20 июня 1943 года), т.е. не придерживались тактики “держат винтовку у ноги”, а стремились бить общего врага.

С появлением в начале июня 1943 года в Налибокской пуще польского партизанского отряда имени Т. Костюшко (Столбцовско-Налибокский батальон Армии Крайовой № 331) руководитель Ивенецкого межрайцентра и командир соединения партизан Ивенецкой зоны Г. А. Сидорок (Дубов) 7 июня 1943 года издал специальный приказ № 021, в котором ставил в известность всех партизан о том, что на территории Ивенецкого, Столбцовского и Мирского районов действует польский национальный отряд и требовал соблюдать с ним дружественные отношения. В приказе указывались знаки отличия польских партизан: на головном уборе польский Орел, ниже орла красно-белая ленточка, на плечах погоны. На левом рукаве красно-белая повязка³.

Что касается вопроса о восточных границах бывшей Польши до сентября 1939 года, то здесь он пока не стоял так остро. Антон Бужинский (Кмитиц), например, на встрече с командиром партизанской бригады имени Ворошилова на Вилейщине Федором Марковым 3 июня 1943 года по этому вопросу сказал: “Правительства сами после войны разберутся, а нам надо совместно воевать”⁴. Кмитиц предложил Маркову координацию действий против немцев и установить повседневную связь.

“На предложение Кмитица, – пишет Ф. Марков, – я согласился. Одновременно заслал своих агентов в организуемый легион Кмитица, поставив себе задачу добиться полного их доверия, иметь тесную связь с организуемым польским легионом, одновременно разлагать их отряд и перетягивать их на свою сторону”⁵.

Как видно Ф. Марков пунктуально выполнял указания П. Пономаренко и ни о каких искренних взаимоотношениях с Кмитицом не помышлял. Но его попытка подчинить формирование Кмитица своей команде провалилась. Отношения между советскими партизанами и аковцами (которых называли здесь легионерами) начали портиться. Этому способствовал ряд причин, в том числе разрыв дипломатических отношений между СССР и польским правительством в апреле 1943 года в связи с нашумевшим на весь мир “катынским делом”, публикациями в немецкой, польской и белорусской (националистической) прессе материалов по этому вопросу.

Дело дошло до вооруженных конфликтов между советскими и поль-

скими партизанами. В такой обстановке экспансивный и самолюбивый Ф. Марков поставил вопрос перед П. Пономаренко о разоружении бригады Кмитица. Согласие было получено. 26 августа 1943 года эта операция была проведена – разоружено 200 (из 300) солдат и офицеров. 80 “легионеров” были распущены по домам. 50 чел., включая Кмитица и других офицеров, подофицеров и солдат бригады, после формального “следствия”, которое вел начальник специальной оперативной группы НКВД Литвы Бер⁶ были расстреляны в Нарочанском лесу. 70 чел. были переданы в польский отряд имени Бартопа Гловацкого, которым командовал поручник Викентий Мрачковский и который находился в фактическом подчинении Маркова. Мрачковскому было поручено собрать не разоруженных аковцев Кмитица в свое формирование. Но позже 30 чел. (из 70), переданных ему из бригады Кмитица, также были расстреляны по приговору того же “Дяди Вани”.

Неразоруженных аковцев (100 чел.) возглавил ротмистр Сигизмунд Шенделяш (“Лупашко”). Отряд быстро пополнился новыми людьми – поляками и белоруссами – и вскоре превратился в крупную 5-ю Виленскую бригаду АК. Эта бригада дислоцировалась и действовала в Свирском, Островецком, Сморгонском и Ошмянском районах Вилейской области.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся письма и докладные записки командира бригады имени Гастелло Вилейской области В. Манохина на имя П. К. Пономаренко, проливающие свет на историю разоружения бригады Кмитица и расстрела большой группы (80 чел.) легионеров, отношения к советским партизанам местного населения и т.д. “Сам Кмитиц, – писал В. Манохин, – был расстрелян не будучи тщательно допрошенным, а его ближайшие помощники (Рымша и др.) в общей солдатской массе обезоружены, были раскреплены по отрядам бригады имени Ворошилова, откуда все до единого через несколько дней сбежали”⁷.

Через несколько дней после разоружения в штабе бригады имени Ворошилова было созвано совещание комбригов области, которое проводил прибывший из-за фронта один из руководящих партийных работников области (фамилия не указана – А. Х.). Этот товарищ касаясь вопроса о прогерманской позиции местных поляков сказал: “Мы полячков (имелось ввиду аковцев – А. Х.) били и будем бить, на советской земле кроме советских вооруженных сил, других не будет, как-бы эти другие силы себя не называли”⁸.

На совещании было решено впредь не употреблять слова “польские партизаны” по отношению к аковцам, а называть их бандитами, белополяками. Командиру польского отряда В. Мрачковскому, присутствовавшему на совещании, было приказано снять с головных уборов бойцов польский национальный герб (белый орел).

Вернувшись с совещания, В. Мрачковский, испугавшись того, что и его может постичь участь Кмитица, вечером того же дня поднял отряд и нелегально скрылся в направлении м. Свирь. Два месяца он не присоединился ни к аковцом, ни к советском партизанам. В декабре 1943 года В. Мрачковский за отказ стрелять в советских партизан и за организацию подготовки выхода его отряда за фронт на соединение с частями первой польской дивизии под командованием З. Берлига по приговору Виленского центра АК был расстрелян⁹.

По свидетельству В. Манохина руководство Виленского округа АК широко использовало разоружение и расстрел аковцев у оз. Нарочь в антисоветской пропаганде. Ему удалось сплотить под своим знаменем значительное количество не только поляков, но и белорусов-католиков и вовлечь их в вооруженные формирования АК.

К ноябрю 1943 года формирование АК под командование ротмистра “Лупашко” уже насчитывало до 300 чел. Они активизировали действия против немцев. Разбили фашистский гарнизон в Солах Сморгоньского района, в декабре был убит заместитель начальника литовской полиции в Свире. В январе 1944 года у населенного пункта Жойдишки аковцы убили и ранили более 25 гитлеровских солдат и офицеров, захватили орудие и автомашины¹⁰.

Аковцы при поддержке населения, по существу, вытеснили советских партизан из Ошмянского, Сморгоньского и Островецкого районов, закрыв все проходы сюда через р. Вилию.

В Ошмянском районе, по утверждению В. Манохина, кроме “Лупашко”, действовали восемь других отрядов АК под командованием: поручника “Шербец” (Г. Фруг – А. Х.) – 1200 чел., Тур (В. Туронк – А. Х.) – 300 чел., “Малый” (К. Шашкевич – А. Х.) – до 800 чел., “Блисковица” (фамилия не известна – А. Х.) – до 800 чел., А. Отто (“Фредько” – А. Х.) – до 1200 чел., 13-я отдельная бригада (А. Вальчик – “Нетопеж”) – до 900 чел¹¹.

Как видно, общая численность этих формирований, без бригады “Лупашко”, превышала 5 тыс. чел. Все они подчинялись Виленскому центру АК¹² и, по словам В. Манохина, “перешли к формам вооруженного сопротивления нашим попыткам влиять на западную часть области”¹³ (т.е. на указанные выше районы – А. Х.). Только один отряд имени Шорса из бригады имени Гастелло в ходе вооруженных стычек с аковцами в ноябре 1943 года потерял 8 чел. убитых и 6 тяжело раненых. За весь 1943 год в Вилейской области было убито и ранено до 150 советских партизан и около 100 чел. пропало без вести¹⁴.

Большую долю вины за это В. Манохин возлагает на Ф. Маркова, который якобы переоценил свои знания “польского вопроса” и с санкции П. Пономаренко преждевременно и непродуманно провел операцию по ра-

зоружению аковцев под Нарочем. С его точки зрения надо было, прежде всего, вскрыть и разложить все польское подполье в области, а затем разом его ликвидировать. Но поскольку этого не произошло, то “вскоре белополяки оправились от полученного ими удара под Нарочем, стали осторожнее, хитрее и поэтому сильнее”¹⁵.

В. Манохин в своем письме П. Пономаренко от 20 января 1944 года просил его совета как быть дальше с “белополяками”. “Здесь (т.е. в подпольном обкоме партии и штабе партизанского соединения – А. Х.) – писал он, – мнения самые разноречивые. В том, что поляков надо гнать – все едины, а в вопросе как – разброд”¹⁶.

П. Пономаренко на этом письме написал: “Надо дать Манохину обязательно радио. Разработать директиву ... по польскому вопросу”. Одновременно он написал секретарям ЦК КП(б) Белоруссии и руководителям Белорусского штаба партизанского движения П. Калинин, В. Малину, И. Ганенко следующую записку:

“1. У Манохина недовольство Марковым и отсюда окраски информации.

2. Конечно, разгром Кмитица под Нарочью – это не разгром всего подполья, но Марков ничего не мог иначе, сам был бы разоружен, что готовил ему Кмитиц.

3. Насчет использования поляками инцидента разгрома Кмитица для пропаганды, то надо сказать, что не извинения за это надо, а говорить, что это касается и дальше касаться (будет) их пронемецких и предательских отрядов...” (далее текст не разборчив – А. Х.).

4. В то же время честных поляков необходимо объединять для борьбы с немцами”¹⁷.

Директива ЦК КП(б)Б как относиться к польскому националистическому подполью и вооруженным формированиям АК вскоре была передана по радиции всем подпольным обкомам партии западных областей республики. В ней были продублированы важнейшие положения закрытого письма ЦК КП(б)Б от 22 июня 1943 года.

Тем временем командир бригады имени Гастелло В. Манохин пытался установить контакты с командиром польской бригады АК “Лупашко” и провести переговоры о дальнейших взаимоотношениях с этим формированием. В архиве сохранилось письмо “Лупашко” от 25 ноября 1943 года. Как видно из его содержания это был ответ на записку заместителя командира польской бригады “Богуна” (фамилия не установлена – А. Х.) от 24 ноября 1943 года, приглашавшего В. Манохина на переговоры и заключения “мудрого (очевидного мирного – А. Х.) договора”¹⁸.

В. Манохин писал: “Нахожу целесообразным инцидент у оз. Нарочь, имевший место до моего сюда прибытия, считать исчерпанным и общее

дело освобождения наших народов понимаю выше этого инцидента, а тем более, что на почве этого инцидента обе стороны уже понесли достаточные потери”¹⁹.

Переговоры состоялись 26 ноября в деревне Бибики. С польской стороны в них участвовали 8 чел., включая “Богун” и “Лупашко” (был инкогнито, под другим псевдонимом – А. Х.). Во главе советской делегации на переговорах были Б. Волостных и Манахов. Каждая сторона говорила на своем языке – на русском и польском. Было достигнуто джентельменское соглашение: “Богун” до следующих переговоров отводит свои подразделения за р. Вилию и район дер. Гелюп, а также договорились при встрече советских партизан и аковцев не открывать огонь первыми.

На переговорах аковцы предлагали произвести обмен людьми: поляков из советских отрядов передать в бригаду “Лупашко”, а из нее в советские формирования передать русских (белорусов) и украинцев. Но по этому вопросу ни о чем не договорились²⁰.

Воспользовавшись “временным перемирием” с аковцами В. Манохин перебросил в Ошмянский район отряд “За Советскую Родину” и 10 групп пропагандистов (разведчиков). 4 группы были заброшены в Островецкий район²¹.

14 декабря 1943 года по предложению В. Манохина состоялась новая встреча в деревне Сыроватки Свирского района, где дислоцировалась бригада “Лупашки”. Польскую сторону (12 чел.) представляли Рымша (“Макс”), “Богун” и комендант Виленского округа АК полковник “Волк” (А. Кжижановский – А. Х.). В советскую делегацию входили В. Манохин, П. Машеров, Б. Волостных и Хосе Фернандес (начальник Особого отдела бригады имени Гастелло), Монахов и переводчик Микула²².

Переговоры велись в целом в дружественной атмосфере, но были и острые моменты. Руководитель Виленского центра АК полковник А. Кжижановский спросил у В. Манохина: “Где находится Кмитиц?”. Последний ответил: “Кмитиц должен был быть доставлен за линию фронта. Но он устроил нам большую обструкцию и мы вынуждены были его расстрелять”²³. Тогда А. Кжижановский потребовал вернуть оружие, которое забрали партизаны в бригаде “Кмитица”. В. Манохин, очевидно, из дипломатических соображений пообещал это сделать и просил только дать ему список о количестве и роде этого вооружения. Но, естественно, это обещание не было выполнено.

Польская сторона затронула вопрос “непрерывного грабежа местного населения” советскими партизанами. В. Манохин дал свое толкование этому вопросу, указав на необходимость изыскания продовольствия и одежды на местах ввиду невозможности получать все это из-за фронта²⁴.

“Волк” подчеркнул, что его отряды АК будут “защищать” польское население от “грабежей” как немцев, так и советских партизан. Переговоры закончились безрезультатно.

Ф. Марков, возглавлявший военно-оперативную работу в обкоме партии, был решительно против всяких переговоров с аковцами, стоял на позиции силового решения вопроса.

Но это от Маркова не зависело. Кровавая междуусобная борьба между польскими (АК) и советскими партизанскими формированиями продолжалась вплоть до освобождения территории области от немецко-фашистских захватчиков в начале июля 1944 года. Командование партизанских бригад и отрядов области продолжало посылать в БШПД хвалебные оперативные сводки о разгроме аковцев. Например, комбриг бригады имени Рокоссовского А. Романов сообщил в БШПД, который уже находился в освобожденном Гомеле, что его формирование 3 февраля 1944 года в 12 км западнее озера Свирь разгромило “легион Лопашка”, убив 26 и ранив 30 немцев и поляков и захватив пулемет, 7 автоматов, 3 винтовки и 1000 винтовочных патронов²⁵. Это было явное преувеличение.

БШПД включил эту информацию в свою оперативную сводку от 19 апреля 1944 года и добавил: “Бригады и отряды области ведут бои местного значения с бело-польскими и немецко-полицейскими гарнизонами, уничтожая их живую силу и технику”²⁶.

Начальник военно-оперативного центра Вилейского подпольного обкома партии полковник Ф. Марков (с февраля 1944 г. – А. Х.) разработал план окружения и уничтожения “банды Лупашко” в районе Жодишки-Данюшево в конце января – начале февраля 1943 года. К этому времени была подготовлена и распространена листовка-обращение к населению Ошмянского, Свирского и Сморгоньского районов. В ней разоблачалась “профашистская позиция Виленского центра”, которому подчинялась бригада “Лупашки” и подчеркивалась необходимость ее ликвидации.

Согласно плана удар по “банде” Лупашка должны были наносить бригады имени Ворошилова, имени Гастелло, два отряд бригады имени Рокоссовского и отдельный отряд имени Суслова под общим командованием полковника Ф. Маркова. Эта группировка партизан, проделав 60-километровый марш и не встретив в предполагаемом районе “банду” 2 февраля повернула назад к местам своей дислокации. На обратном пути разведка доложила, что “банда” Лупашки двигалась в направлении Жодишки, подошла к р. Стреча и частично форсировала ее. Здесь в ее руки попала указанная выше листовка-обращение Вилейского подпольного обкома партии, распространенная накануне по указанию Ф. Маркова. “Лупашка” насторожился и приказал личному составу рассредоточиться

в радиусе 5-7 километров. 1 февраля его подразделения вели бой с немцами, потеряв 45 чел. убитыми и ранеными. Гитлеровцы потеряли 5 автомашин и до 50 чел. убитых и раненых²⁷.

Получив такую информацию Ф. Марков повернул свою колонну партизан обратно и приказал В. Манохину со своей бригадой, двумя отрядами бригады имени Ворошилова, отдельным отрядом имени Суслова (в количестве до 700 чел.) напасть на дер. Радиоши-Страча (Свирского района – А.Х.), где находилось до 40 аковцев. Манохин, по его словам, возразил против такого удара, да еще в темноте. Но Марков настоял на своем. В результате налета было убито 4 аковца, захвачена часть вооружения, остальные “белополяки” бежали за реку²⁸. Перегруппировавшись подразделения “Лупашки” выдвинули свои заслоны и засады к Вишневу, Боровым и другим партизанским опорным пунктам. Один из партизанских отрядов бригады имени Гастелло и отдельные разведывательные группы партизан, по свидетельству В. Манохина, были вытеснены аковцами из Ошмянского района, население района заняло враждебную по отношению к советским партизанам позицию²⁹.

Предпринятая в начале июня 1944 года командованием бригады имени Гастелло попытка восстановить прежнее положение в этом и соседнем с ними Сморгонском районах не увенчалась успехом. К 7 июня в район Крево были стянуты аковские формирования “Тура”, “Шербца”, “Отто”, “Блисковица” (до 5 тыс. чел.). Они заставили гастелловцев отступить в район Войстом. “Таким образом, – писал в докладной записке заместителю начальника БШПД И. Ганенко 19 августа 1944 года комбриг В. Манохин, – юго-западные окраины области до момента прихода туда частей Красной Армии контролировались белополяками (т.е. аковцами – А. Х.), которые провели там большую работу по организации вражеского нам подполья”³⁰.

В этой же записке автор характеризует обстановку в Ошмянском районе в первые дни после освобождения его частями Красной Армии как антисоветскую. Мобилизация в Красную Армию, заготовки сельскохозяйственной продукции, подчеркивает он, были встречены здесь “отлично организованным сопротивлением”³¹.

В. Манохин далее касается провала попытки командующего двух объединенных военных округов АК (Виленского и Новогрудского) А. Кжижановского (“Волка”) захватить Вильно в ночь с 6 на 7 июля 1944 года, т.е. до подхода советских войск.

В этой операции участвовали и формирования АК из Вилейщины. Смелый ночной бросок на город не удался. Ввиду перевеса сил у врага аковцы вынуждены были отступить. Но, по свидетельству А. Кжижановского, они оттянули на себя немецкую авиацию, затруднили оборону и тем самым помогли советским войскам овладеть городом³².

По свидетельству В. Манохина до 18 июля в Вильно было троевластие: советская комендатура, польская комендатура и местные советские органы власти Литвы.

18 июля командующий двух объединенных военных округов АК А. Кжижановский (“Волк”) и весь Ошмянский инспекторат АК были арестованы. Этому предшествовали личные встречи В. Манохина с начальником “Смерш” 3-го Белорусского фронта Зелениным, командующим фронтам И.Д. Черняховским, членом Военного совета фронта Макаровым. Начальнику “Смерш” Зеленину были переданы В. Манохиным важные материалы по формированиям АК в Ошмянском и других районах Вилейской области. Накануне помощник начальника оперативного Управления фронта Киреев обсудил в штабе бригады имени Гастелло варианты ликвидации инспектората и ареста “Волка”

Только после этого началась операция по его ликвидации. За трое суток (18-20) июля) добровольно сложили оружие около 15 тыс. аковцев. Остальные скрылись в лесах или, переодевшись, осели в Ошмянском и соседних с ним районах Вилейской и Барановичской областей БССР и Литовской ССР и занялись террористической и другой антисоветской деятельностью. Только в Ошмянском районе за первые десять дней после освобождения ими было убито два офицера, 6 бойцов и младших командиров Советской Армии³³.

Ликвидацией остатков аковских формирований занялись части внутренних войск НКВД БССР и Литовской ССР.

Теперь проанализируем как развивались события с разоружением отряда АК имени Т. Костюшко в Налибокской пуще, где дислоцировались партизанские отряды и бригады Барановичского соединения. Здесь же находился подпольный обком партии и штаб соединения, которые возглавлял Уполномоченный Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего и ЦК КП(б) Белоруссии по Барановичской области Василий Чернышев (псевдоним “Платон”).

Вначале отношения между поляками-аковцами и советскими партизанами были дружественными. Они вместе с боями пережили тяжелую блокаду Налибокской пуши гитлеровцами в июле-августе 1943 года (операция “Герман”). Но к осени отношения начали ухудшаться. В Столбцовского-Налибокское формирование АК после блокады осенью 1943 года прибыло несколько хорошо подготовленных офицеров-парашютистов из Лондона. Среди них были Адольф Пильх (“Гура”), Лех Рыдзевский (“Гром”), Езехель Лось (“Иква”), Юлиан Бобровницкий (“Клин”) и др. И.о.командира отряда стал подпоручник (позже поручник) Адольф Пильх (“Гура”), в ноябре его заменил майор Вацлав Пелка, направленный главным командованием АК из Варшавы. Пильх стал его заместителем. Ор-

ганизатор отряда Каспер Милашевский, которого хорошо знали многие партизаны, стал заместителем командира отряда по связям с советскими партизанскими формированиями. Все эти перемещения и особенно появление в пуше эмиссаров из Лондона и Варшавы с соответствующими инструкциями насторожило подпольный обком партии и штаб партизанского соединения во главе с В.Е. Чернышевым. К тому же в это время участились вооруженные столкновения между аковцами, которых называли легионерами, и советскими партизанами. Первые выступали в роли “защитников” польского населения от “большевистско-жидовских банд” т.е. партизан, которые считали себя хозяевами. На этой почве 18 ноября 1943 года польским подразделением уланов под командованием Нуркевича (“Ночь”) в дер. Дубники Ивенецкого района были разоружены и расстреляны 10 советских партизан из еврейского отряда № 106 под командованием Н. Зорина, которые приехали проводить здесь заготовку сельхозпродуктов.

Барановичский подпольный обком партии и Ивенецкий Межрайцентр, выполняя указания П. Пономаренко, продолжали прилагать усилия, чтобы подчинить себе польский отряд АК, обезвредить всю польскую конспирацию в Ивенеце, Ракове, Столбцах и других населенных пунктах Барановичской и соседней с ней Вилейской областей.

В решении этой задачи большую помощь обкому партии оказал задержанный партизанами весной 1943 года член польской подпольной организации, офицер АК Адам Свенторжецкий. Он дал подробные сведения о структуре, составе, конспирации, целях и задачах, печатных изданиях, руководителях организации, ее связях с центрами в Вильно и Варшаве. По словам А. Свенторжецкого, главари организации рассчитывают на безусловный разгром немцев, но при этом на ослабление Красной Армии в войне, с тем, чтобы в удобный момент преградить дорогу Красной Армии и не дать ей снова занять Западную Украину и Западную Белоруссию³⁴.

В докладной записке В.Е. Чернышева на имя П.К. Пономаренко говорилось: “Свенторжецкий нами использован для специальной работы (разведывательной и пропагандистской – А. Х.) и дает положительные результаты по разложению польских формирований, а также ценные сведения о поляках. Спецгруппа Свенторжецкого (в которую входили В. Гурецкий, А. Воропай, Б. Рогозинский – А.Х.) уничтожила ряд агентов польской контрреволюционной организации”³⁵.

Далее в докладной сообщалось, что “нами арестован руководитель подпольной организации Воложинского уезда Корсак Т.А., с которым ранее был связан Свенторжецкий. Корсак был взят нами под видом ареста немецкой жандармерией. Следствие продолжаем вести. Корсака возможно использовать в дальнейшей работе”³⁶.

Однако Корсак отказался дать подписку начальнику Особого Отдела бригады имени Чкалова Д. Зухба быть его “секретным агентом” и 8 октября 1943 года был расстрелян³⁷.

10 октября 1943 года Уполномоченный ЦК КП(б)Б и БШПД по Ивенецкому Межрайцентру Г. А. Сидорок (Дубов) в сопровождении своего начальника штаба майора П. Василевича и охраны (12 чел.) прибыл на базу польского отряда АК, которая находилась недалеко от озера Кромань в урочище Прудиче-Млынок в Налибокской пуще. По его просьбе был собран личный состав отряда для беседы. Выступивший перед актовцами Г. А. Сидорок (Дубов) призывал их к совместной борьбе с оккупантами в составе Ивенецкого партизанского соединения, поставил перед ними боевые задачи. По свидетельству и.о.командира отряда А. Пильха (“Гура”) это пропагандистское выступление не произвело впечатления и не получило поддержки у присутствовавших³⁸.

Одновременно Г. А. Сидорок-Дубов нач. штаба партизанского соединения майор Р. Василевич 12 октября 1943 года издали по соединению партизанских бригад и отрядов, расположенных в Налибокско-Ивенецкой пуще, секретный приказ. В нем говорилось: “§ I. Сего числа польский национальный отряд имени Т. Костюшко в боевом и организационном отношении подчиняю командованию соединения и ввожу в состав соединения как боевую партизанскую единицу.

Подтверждаю задачи, поставленные мною отряду 10.Ш.43 г.

а) вести повседневную разведку немецких войск, установить численность гарнизонов, нумерацию частей, передвигающихся по железным и шоссейным дорогам. Разведывательные данные представлять один раз в декаду, особо важные немедленно;

б) до конца октября спустить под откос не менее 3-х вражеских эшелонов.

в) ...уничтожить не менее 15 автомашин

г) ...уничтожить не менее 15 км телефонно-телеграфной связи.

д) разложить или уничтожить не менее 3-х полицейских участков...

§3. Район действия отряда Столпецкий, где разрешаю проведение хозяйственных операций. Диверсионно-подрывную работу проводить на железнодорожной магистрали Минск-Барановичи, Минск-Молодечно.

Приказ довести до всего личного состава отрядов. Отпеч. 7 экз., № 1 – в дело, № 2-7 адресатам”³⁹.

Из изученных нами архивных документов не видно какую реакцию произвел этот приказ на командование и личный состав отряда имени Т. Костюшко. Скорее всего, никакой. Командование этого формирования АК продолжало подчиняться Новогрудскому военному округу АК, находившемуся в г. Лида, и выполнять его приказы и распоряжения. В то же время оно не хотело открыто ссориться с советским партизанским коман-

дованием и предлагало соблюдать видимость своей лояльности к нему и поддерживать с ними информационную связь. Словом, с одной и другой стороны велась двойная игра. Комбат В. Пелка докладывал в штаб Новгородского округа АК: 18 ноября 1943 года следующее: “Положение наше в отношении советских партизан не изменилось. Они показывают вид хорошего отношения к нам, мы к ним тоже самое, а в действительности друг друга обманываем”.

Характерно, что в канун 26-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1943 года командование польского отряда имени Т. Костюшко прислало на имя Г. А. Сидорка-Дубова приветственное письмо, в котором поздравляло его и всех советских партизан с большим праздником.

8 ноября 1943 года Г. А. Сидорок-Дубов поблагодарил командира польского отряда К. Милашевского (хотя здесь уже был другой командир, которого Дубов не знал – А. Х.) за поздравление и пожелал отряду еще больших успехов в борьбе с немецкими оккупантами до полного изгнания их с нашей родной земли. “Бейте врага так, как бьет его сегодня славная польская дивизия имени Т. Костюшко, первая ворвавшаяся рядом с чешскими и русскими солдатами в наш родной цветущий Киев”⁴⁰, – такими словами заканчивалось письмо.

Это был, пожалуй, последний “любезный” обмен посланиями между Дубовым и Милашевским. Отношения между аковцами и советскими партизанами продолжали обостряться. Барановичский подпольный обком партии и Ивенецкий Межрайцентр по указанию П. К. Пономаренко уже тайно вели подготовку к разоружению польского отряда. В архиве сохранился приказ № ОП215 от 24 ноября 1943 года по соединению партизанских бригад и отрядов, дислоцировавшихся в Ивенецко-Налибокской пуще подписанный Сидорком – “Дубовым”. В нем предлагалось командиру польского партизанского отряда имени Т. Костюшко поручнику Милашевскому 25 ноября к 11 часам по московскому времени обязательно прибыть в расположение бригады имени Фрунзе, которая дислоцировалась недалеко, вместе с начальником штаба майором Вацлавом (Пелка)⁴¹, командиром эскадрона хоружим Нуркевичем (“Ночь”), зам. командира эскадрона Яковским (“Дуб”)⁴².

Какова была цель этого вызова и состоялся ли он из документов не видно. Скорее всего, что поляки не явились. 27 ноября “Дубов” вновь направил польскому отряду приглашение прибыть к нему всем офицерам штаба 30 ноября на военное “совещание”. Но в связи с тем, что почти все офицеры находились в районе, по просьбе поляков “совещание” было перенесено на 1 декабря 1943 года.

30 ноября 1943 года уполномоченный ЦК КП(б)Б и БШПД по Ивенецкому Межрайцентру Г. А. Сидорок-Дубов подписал совершенно се-

кретный приказ “О разоружении отряда имени Т. Костюшко”. В нем говорилось: “На основании радиограммы тов. Пономаренко и указания Облцентра (В. Чернышева-Платона – А. Х.) приказываю отряд польских легионеров Милашевского обезоружить.

Для чего:

1. Командиру бригады им. Сталина тов. Гулевичу, комиссару, т. Мурашову с двумя отрядами (им. Чапаева и им. Суворова), к 7 часам утра 1-го декабря сосредоточиться на опушке леса западнее дер. Нестеровичи по дороге Нестеровичи-Дрезезно, где оставить засаду для прикрытия своего тыла и задержания легионеров, направляющихся в лагеря, а остальным к 9 часам утра 1-го декабря направиться в польские лагеря и окружить отряд с востока и юго-востока.

а) остальным силам бригады провести полное разоружение легионеров в районе своего действия.

2. Командиру бригады им. Фрунзе т. Ключко, комиссару т. Коробкину выступить с бригадой к 7 часам утра 1-го декабря и сосредоточиться в районе Смолярня-Шекучая. К 9 часам утра 1-го декабря окружить польский лагерь в районе Дрезезна с северо-запада, увязав свои действия с Жуковской бригадой (т.е. бригада имени Г.К. Жукова – А. Х.) действующей по дороге Кромань-Дрезезна.

3. Командиру бригады им. Чкалова т. Грибанову, комиссару т. Казаку направить в район своего действия специальные группы по разоружению легионеров. Разоружение проводить с 1-го декабря с 7 часов утра.

4. Командиру бригады им. Шорса тов. Ключнику, комиссару тов. Леванкову обезоружить группу польских легионеров Янковского, действующих в районе Волма.

5. Всех задержанных и разоруженных легионеров доставлять в польские лагеря, расположенные в районе Дрезезной.

6. Всю работу по подготовке и проведению данной операции держать в строгом секрете”⁴³.

Этот приказ был заранее доставлен всем адресатам. На его основании были подготовлены соответствующие боевые приказы и распоряжения в бригадах и отрядах, задействованных в данной операции.

Как уже говорилось выше в целях маскировки операции было решено за подписью Дубова-Сидорка пригласить всех офицеров польского отряда в Ивенецкий Межрайцентр якобы на “военное совещание”. Здесь их арестовать, польский лагерь заранее окружить и всех аковцев разоружить. В основном этот план выполнен.

1 декабря 1943 года рано утром пять офицеров (В. Пелка, К. Милашевский, В. Пархимович, Е. Лось, Ю. Бобровницкий) в сопровождении 11 уланов выехали на “совещание”. По дороге они были обезоружены и арестованы. Одновременно был окружен польский лагерь и разоружены

находившиеся в нем аковцы. Были захвачены богатые трофеи и штабные документы. При этом было убито 10 и ранено 8 аковцев, а также был ранен один советский партизан⁴⁴.

Во время разоружения не оказалось в лагере эскадрона уланов (20 чел.) во главе со Здиславом Нуркевичем, который находился вне пределов пуши. Группе оковцев во главе с Адольфом Пильхом (27 чел.) чудом удалось выбраться из окружения и спастись. Через пару дней оба эти подразделения объединились и в знак мести начали разоружать мелкие группы советских партизан. У одного из захваченных ими командиров взводов (Д. Феоктистова) отряда имени Чапаева бригады имени Сталина был изъят боевой строго секретный приказ о разоружении польских легионеров, подписанный командованием партизанской бригады имени Сталина 30 ноября 1943 года⁴⁵. Копия этого документа была затем переслана в штаб Новогрудского военного округа АК в г. Лиду, оттуда Главному командованию АК в Варшаве, которое по радио передало в Лондон содержание приказа⁴⁶. Всего было разоружено более 200 чел. (из 400 личного состава батальона), из них 147 чел. были включены в состав бригады имени Фрунзе, некоторая часть их попала в бригады имени Сталина и Первомайскую, а остальные отпущены по домам. Но через короткое время большинство из их дезертировало из советских отрядов и возвратилось в воссозданный 331-й батальон АК под командованием подпоручника Адольфа Пильха (“Гура”). Этот батальон заключил “перемирие” с немецким опорным пунктом в Ивенце, получил от него оружие и боеприпасы, разместился в деревнях Старинки, Гилики, Шикуты, Камень, т.е. в радиусе 3-5 км вокруг Ивенца и превратился в опасную для советских партизан силу.

Арестованные польские офицеры Вацлав Пелка (“Вацлав”), Каспер Милашевский (“Левальд”), Юлиан Бобровницкий (“Клин”), Валентин Пархимович (“Вальдан”), Здислав Кохутницкий (“Иква”, “Гром”), Матвей Ржеvusский (“Затор”), Сергей Говорко (“Витольд”), Фадей Мигач (“Мита”) и Владислав Скроцкий (командир взвода, адъютант командира батальона – А. Х.) были обвинены в разоружениях и убийствах их подчиненными аковцами многих советских партизан и в других преступлениях против Советской власти. “Выше поименованные обвиняемые, – говорится в Заключении комиссии, – на допросах отрицали свою виновность в предъявленных им обвинениях, однако материалами предварительного следствия, документами, изъятymi в штабе батальона № 331, а также частичными их собственными признаниями они полностью изобличаются в контрреволюционно-националистической деятельности, направленной против Советской власти и на восстановление бывшего польского государственного строя в его границах до 1939 года”⁴⁷.

Все они были приговорены к расстрелу. Однако почему-то не все были

расстреляны. Пять офицеров: В. Пелка, К. Милашевский, Ю. Бобровицкий, Л. Рыдзевский и Е. Лось по указанию П. Пономаренко в канун 1944 г. были отправлены самолетом из Налибокской пуши в Москву на Лубянку. В заключении они содержались до конца войны. Затем были переданы новым польским властям в Варшаву, освобождены из-под стражи и полностью реабилитированы. Судьба остальных арестованных 1 декабря 1943 г. офицеров и подофицеров неизвестна, очевидно, все они были расстреляны в Налибокской пуше в декабре 1943 года.

5 декабря 1943 года секретарь Барановичского подпольного обкома партии В.Е. Чернышев (Платон) под грифом “Совершенно секретно” и “По прочтению сжечь” послал письмо Уполномоченным ЦК КП(б)Б по Ивенецкому, Столбцовскому, Лидскому, Шучинскому и Слонимскому Межрайцентрам. В нем он напомнил указания П.К. Пономаренко по вопросу о взаимоотношениях партизан с польским военным подпольем, о которых говорилось выше. В. Е. Чернышев проанализировал далее причины разоружения польского отряда АК 1 декабря с.г., указал, что части аковцев удалось избежать разоружения и скрыться. Он потребовал от парторганизаций и командования партизанских отрядов и бригад области максимального повышения бдительности и усиления боевой деятельности, чтобы впредь не допускать провокационных и антисоветских действий польских националистов. “Неуклонно руководствуясь указаниями П. К. Пономаренко, – подчеркивал В. Е. Чернышев, – польские группы, ведущие вооруженную борьбу с нами, беспощадно уничтожать”⁴⁸.

В заключение он требовал “все материалы по данному вопросу срочно доносить специальным сообщением в Барановичский подпольный обком КП(б)Б”⁴⁹.

В архиве сохранилась рукописная записка В.Е. Чернышева Уполномоченному ЦК КП(б)Б по Ивенецкому Межрайцентру Дубову (Г. А. Сидорок), написанная не позднее 5-6 декабря. Привожу ее текст с небольшими сокращениями:

“Т. Дубов. Операцию (по разоружению отряда АК – А. Х.) провел замечательно. Это очень хорошо. Я ожидал, что это придется проводить с большей кровью. Бригада Чкалова выходит на прочистку района от белопольских банд. Надо во чтобы то не стало быстрее накрыть конную группу (под командованием Нуркевича – А. Х.).

Для сортировки бывших польских партизан, а также тщательного следствия создаю специальную комиссию под твоим руководством во главе с т. Зухба и Степченко. Надо быстрее закончить следствие. Запросил т. Пономаренко о том, как поступать с главарями (т.е. польскими офицерами – А. Х.). Сейчас их надо крепко охранять. Прошу срочно сообщить все данные на главарей польской банды.

Надо выделить группы и в деревнях провести большую агитационную работу по разоблачению, чтобы в лице населения они не выглядели народными героями.

... Взятых поляков в отряды держать группами (без оружия пока) под руководством наших командиров. Часть надо завербовать и отпустить домой. Сволочь, особенно полицию, помещиков, осадников надо стрелять. Но чтобы об этом никто не знал. Потихоньку. Платон”⁵⁰.

Тем временем бывшие аковцы начали убегать из советских партизанских отрядов, причем с оружием.

7 декабря Г. А. Сидорок-Дубов издал приказ № 49, в котором констатировал факты дезертирства бывших легионеров и запретил выдавать оружие оставшимся в наших отрядах, а также не посылать их на “все виды операций”. Начальникам Особых отделов бригад и отрядов поручалось произвести тщательную проверку всех бывших аковцев и отъявленных сволочей расстрелять, а из числа проверяемых и преданных нам поляков подобрать агентуру. Приказ требовал от командиров и комиссаров партизанских бригад и отрядов “вести повседневную работу среди бывших легионеров”⁵¹.

Секретаря подпольного обкома партии В.Е. Чернышева продолжал волновать вопрос о неразоруженных 1 декабря польских подразделениях под руководством А. Пильха (“Тура”) и З. Нуркевича.

9 декабря он отдал следующее приказание командирам партизанских бригад имени Жукова, имени Дзержинского, имени Сталина, имени Шорса, имени Фрунзе, Особому казачьему отряду: “Банда белополяков под руководством Нуркевича, оставшись неразоруженной и действующая в районах деревень Шляшинщина, Курочки, Куль, под Волмой, Раковом, маенток (имение) Литва, Дудки (Ивенецкого района – А. Х.) производит убийства и разоружение мелких групп наших партизан. Теперь стало известно, что Нуркевич – агент гестапо... Немцы заявили Нуркевичу – “Веди борьбу с партизанами, а вас, польскую группу, трогать не будем...”.

Приказываю Вам, силами ваших отрядов войти в указанные районы и во чтобы то ни стало уничтожить белопольскую гитлеровскую банду.

Бригадам Шорса, Сталина, с привлечением отрядов бригады Морозова (т.е. бригады “Неуловимые”, которая в октябре-декабре 1943 года перебазировалась из Витебской области в Юратишковский район Барановичской области – А. Х.) организовать прочистку районов Ракова, Волмы.

Бригадам Жукова, Дзержинского, им. Фрунзе и Казачьему отряду провести проческу районов Рубежевичи, Ивенец и под Волму.

Запретить передвигаться партизанам мелкими группами.

Операцию по организации разведки и уничтожению белопольской не-

мецкой группы начать немедленно по получению настоящего приказа.

О результатах доносить немедленно. Среди населения проводить массово-разъяснительную работу”⁵².

11 декабря В.Е. Чернышев направляет письмо секретарям Ивенецкого и Воложинского подпольных райкомов партии Г. А. Сидорку (Дубову) и С. А. Кузнецову. В нем предлагалось осуществить ряд мероприятий среди бывших аковцев из разоруженного польского отряда, которые были включены в советские отряды. В частности, необходимо было провести собрания и беседы с ними и с местным населением “по разоблачению вражеской деятельности банды Нуркевича”, создать мнение, что в ней находятся “самые гнусные враги и агенты гестапо”. Далее предлагалось задокументировать все факты, изобличающие руководителей польского отряда. Составить ряд документов в виде обвинительных актов, протоколов, обращений за подписями бывших аковцев желательно на польском языке, “написанных собственноручно, но проверенных Вами”. Все эти документы необходимо было срочно представить в обком партии”⁵³.

Руководство подпольного обкома партии и Ивенецкого Межрайцентра требовало от командования партизанских бригад быстрее разоружить группы Нуркевича-Пильха и других “польских бандитов”, а в случае сопротивления уничтожить их.

5 декабря 1943 года Г. А. Сидорок-Дубов отдал приказ командиру бригады имени Фрунзе С. Ключко, требуя от него выехать с бригадой в район действия и обеспечить разоружение поляков⁵⁴. Выполнив приказ, комбриг с отрядом имени Фрунзе выехал в дер. Куль Ивенецкого района, где по данным разведки находились белополяки. Расположились здесь на ночлег. В ночь с 6 на 7 декабря аковцы Пильха-Нуркевича скрытно напали на фрунзенцев, обезоружили часовых, ворвались в дом, где находился штаб отряда имени Фрунзе и убили командира отряда И. Иванова, начальника штаба отряда В. Губа, начальника Особого отдела отряда Котова и двух командиров ранили. Семь партизан во главе с заместителем командира отряда по разведке К. Завало аковцы обезоружили и взяли в плен, но затем отпустили⁵⁵.

Острые вооруженные столкновения советских партизан с аковцами продолжались до конца июня 1944 года, т.е. до момента освобождения Ивенецкого, Столбцовского и других районов от оккупантов. Например, только в декабре 1943 года в результате междуусобной борьбы с аковцами погибли комиссар отряда имени Чапаева П. Кочетков, командир роты В. Бойцов, командир взвода М. Кондратьев, комиссар П. Данилов, партизан К. Трус, а также немало партизан других отрядов Барановичского соединения. В декабре 1943 – январе 1944 года легионеры убили двух партизан из охраны Ивенецкого Межрайцентра, трех из бригады имени Жукова.

5 декабря 1943 года Г.А. Сидорок-Дубов приказал командиру и комиссару бригады имени Шорса С. Ключнику и Б. Леванкову немедленно разоружить в районе Волмы Ивенецкого района группу легионеров во главе с Янковским и доложить в Межрайцентр не позднее 10 декабря. В приказе говорилось, что арестованных легионеров Юдицкого, Станислава Крицкевича (нач. штаба группы) и Франка Менько направить под охраной в распоряжение Межрайцентра, а на остальных арестованных “оформляйте дела сами”⁵⁶ (т.е. поступайте по своему усмотрению – А. Х.).

Приказ был выполнен, группа разоружена, Янковский (сержант, уроженец, дер. Гуменовщина, имя не известно, скорее всего Антон – А. Х.) был убит.

Приказ предписывал после разоружения этой группы, продолжать разоружать других легионеров, не давать им возможности объединяться в отряд. С этой целью иметь в районе Волмы свою агентуру, а также “повседневно разъяснять местному населению вражескую деятельность легионеров по отношению к Советскому Союзу и убийство наших партизан”⁵⁷.

Следует однако сказать, что несмотря на все принимаемые подпольным обкомом партии и Ивенецким Межрайцентром боевые и агитационно-пропагандистские меры, помешать восстановлению Столбцовско-Налибокского формирования АК под командованием поручника Адольфа Пильха не удалось. Оно из нескольких десятков уцелевших от разоружения аковцев скоро выросло до 250 чел. хорошо вооруженных бойцов. Немцы выдали им 2 миномета, несколько пулеметов, много боеприпасов и, как указывалось выше, велели разместиться в радиусе 3-6 километров от опорного пункта в Ивенце – в деревнях Гиличи, Шкути, Старинки, Камень, чтобы создать прочный заслон от партизан.

Численность аковского формирования продолжала увеличиваться. В разведсводке Белорусского штаба партизанского движения от 4 июня 1944 года говорилось: “По данным на 20.4.44 г. в Ивенецком районе действует белопольская банда Нуркевича численность до 800 чел., которая ведет активные боевые действия с партизанами и носит название батальона охраны при Ивенецкой жандармерии. Одежду и оружие получают от немцев и имеют доступ в Ивенец, при этом надевают белые нарукавные повязки с немецким орлом”⁵⁸.

Из этой же сводки видно, что польские националистические формирования действуют в Столбцовском и Несвижском районах (до 1600 чел., в т.ч. 500 конников во главе с хорунжим Ламинским), а также в районе города Лиды. Здесь они устанавливают тесное взаимодействие с немцами, получая от них вооружение, боеприпасы, продовольствие и участвуют в боевых действиях против советских партизан.⁵⁹

Особенно причинял большие неприятности советским партизанам хорошо укрепленный гарнизон аковцев в м. Камень, насчитывающий 100 чел. В ночь с 14 на 15 мая 1944 года бригада имени Сталина предприняла попытку его ликвидировать. Ожесточенный бой длился несколько часов, нередко переходя в рукопашный. В результате противник потерял 71 убитого, 23 было ранено, 7 взято в плен. Партизаны захватили один ротный миномет, 6 станковых и ручных пулеметов, несколько автоматов и винтовок, боеприпасы⁶⁰. В ходе боя был сожжен костел. Гарнизон противника перестал существовать.

Но междуусобная борьба между советскими партизанами и их бывшими польскими “союзниками” продолжалась. Партизаны отряда имени Кузнецова бригады имени Чкалова в декабре 1943 года захватили в дер. Боровоковщина Ивенецкого района трех бывших аковцев из разоруженного польского отряда – Александра Липницкого, Михаила Рудовича и Казимира Яновича и расстреляли их⁶¹.

В это же время аковцы из воссозданного батальона А. Пильха продолжали нападать на небольшие группы советских партизан, разоружать и расстреливать их. Например, в декабре 1943 года они убили на хуторе Толкочевщина пять партизан из отрядов имени Рыжак и имени Буденного бригады Сталина, за связь с советскими партизанами расстреляли семью Сенькевича из дер. Шпаки Ивенецкого района⁶².

В мае 1944 года А. Пильх обратился с письмом в штаб Ивенецкого партизанского соединения, в котором угрожал, что за одного уничтоженного партизанами поляка “сравняет с землей один колхоз за границей”, т.е. в соседних Заславльском и Дзержинском районах Минской области. Правда, в своей книге “Партизаны трех пуш” он пишет, что до конца нахождения его отряда под Ивенцом (т.е. до июня 1944 года) подобных репрессий не применялось. Но это неправда. Как бывший партизан Барановичского соединения я опровергаю подобное утверждение. Подразделения батальона Пильха из-под Ивенца совершали эпизодические рейды в пограничные деревни Ковалевцы, Великое Село, Телешевичи, Лукаши, Малявки, Лисовщина, Тюхан и др., указанных выше районов, конфисковывали имущество у партизанских семей, сжигали их дома и расстреливали не успевших спастись жильцов. А. Пильх в одной из своих послевоенных публикаций признавал, что с декабря 1943 года и до конца июня 1944 года его подразделения убили около 6 тысяч “большевиков”⁶³ (т.е. партизан и мирных граждан – А. Х.). Это, конечно, слишком преувеличено. По моим подсчетам наши потери составили не более 100-150 чел., включая мирных граждан.

Немцы в январе 1944 года за подписью Пильха и Нуркевича сочинили на польском и русском языках провокационную листовку “К партизанам Налибокской пуши” и разбросали ее из самолетов над Налибо-

кской пушей. В ней давалась пространная интерпретация разоружения польского отряда советскими партизанами 1 декабря 1943 года и приводился искаженный текст строго секретного боевого распоряжения на этот счет, подписанного командованием бригады имени Сталина 30 ноября 1943 года и попавшего в руки противника. Листовка призывала партизан вступать “в наши ряды (т.е. в формирование Пильха-Нуркевича – А. Х.) для борьбы с большевистской заразой”⁶⁴.

“Если у вас нет возможности непосредственно явиться к нам, – разъяснялось в листовке, – то обращайтесь к ближайшему немецкому опорному пункту. Мы имеем договор, на основании которого вас направят к нам”⁶⁵.

Барановичский подпольный обком партии издал и распространил по населенным пунктам области свою листовку, в которой называл Пильха (“Гура”) и Нуркевича “немецкими шпионами в польских мундирах”, призывал польское и белорусское население не верить им и не оказывать никакой помощи, вступать в партизанские отряды, помогать Красной Армии освобождать родную землю⁶⁶.

В листовке признавался факт разоружения “польских легионеров” в декабре, но, что, “никаких приказов по этому поводу не издавалось”⁶⁷. Выше мы уже показали, что такой приказ в действительности существовал и что копию его изъяли аковцы у захваченного ими командира взвода партизанского отряда имени Чапаева Дмитрия Феокистова⁶⁸.

Необходимо сказать, что подпольный обком партии и Ивенецкий Межрайцентр (с 19 декабря 1943 г. подпольный райком партии – А. Х.) в 1944 году делали попытки посылки провокационных писем А. Пильху и другим офицерам АК за подписью подполковника юстиции “Данилы” (т.е. Давида Зухба – А. Х.), в которых призывали их отказаться от сотрудничества с немцами и вновь вернуться к боевому взаимодействию с советскими партизанами.

В одном из писем от 6 мая 1944 года предлагалось в качестве первого шага смыть с себя “позорное пятно предательства”, совместно с советскими партизанами разгромить немецкий гарнизон в Ивенце⁶⁹. Но командование польского батальона на эти письма не отвечало.

Командир батальона Адольф Пильх продолжал поддерживать связь с командованием Новогрудского округа АК, посылать ему отчеты, получать указания.

17 июня 1944 года вновь назначенный командир польских формирований АК Новогрудского округа майор Матей Каленкевич (“Котвич”) в соответствии с указанием Главного командования АК в Варшаве отдал приказ всем польским формированиям готовиться к маршу в район Вильно для захвата его до подхода сюда наступающей Советской Армии.

Однако А. Пильх не выполнил этого приказа, объясняя это впоследствии рядом объективных причин⁷⁰. Вместо передислокации в район Вильно он отдал приказ об отступлении батальона АК, насчитывающего более 800 чел., ис-под Ивенца по маршруту Рубежовичи-Столбцы-Барановичи-Брест-Варшава. Этот очень трудный марш длился почти месяц — с 20 июня по 27 июля 1944 года и закончился в Компиносской пуще под Варшавой. Здесь батальон включился в активные боевые действия против гитлеровцев.

Деятельность этого формирования в новом месте дислокации хорошо освещена в ряде польских публикаций и здесь не рассматривается.

Такова драматическая история двух формирований АК, дислоцировавшихся в Налибокской и Нарачанской пущах и здесь разоруженных в 1943 году.

СНОСКИ

- 1 НА РБ, ф. 4, оп. 3, д. 1243, лл. 86, 87. Это письмо никогда полностью не публиковалось.
- 2 НА РБ, ф. 4, оп. 3, д. 1243, лл. 88, 89.
- 3 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 2, л. 25.
- 4 Там же, ф. 4, оп. 33а, д. 488, л. 189.
- 5 Там же, л. 190.
- 6 Бер ("Дядя Вая") — это псевдонимы. Под ними значился офицер НКВД, десантник из Москвы, литовец Ионас (Иван Иванович) Вильджинас, который с весны 1943 г. вместе с другими литовскими работниками находился на базе бригады "Спартак" у оз. Нарочь.
- 7 НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 49, л. 288.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же, л. 78.
- 11 Там же, л. 289.
- 12 Отряд "Шербца" до катастрофы под Нарочью 26.08.1943 г. не подчинялся этому центру, действовал самостоятельно.
- 13 НА РБ, д. 3500, оп. 2, д. 49, л. 289.
- 14 Там же.
- 15 Там же, л. 77.
- 16 Там же.
- 17 Там же, л. 78.
- 18 Там же, лл. 91-93.
- 19 Там же, л. 93.
- 20 Там же, лл. 94-99.
- 21 Там же, л. 290.
- 22 Там же, л. 101.
- 23 Эдмунд Банасиковский. На зев земли Виленьской. Варшава-Париж, 1990, с. 73.
- 24 Там же, с. 74.
- 25 НА РБ, ф. 4, оп. 29, д. 46, л. 34.
- 26 Там же, л. 39.
- 27 НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 49, лл. 293-294.

- 28 Там же. В рукописной истории партизанской бригады имени Ворошилова (две тетради), хранящейся в архиве и никем не подписанной говорится, что противник потерял 32 убитых, 48 раненых, 3 пленных. Было захвачено 2 станковых пулемента, 32 винтовки, радиопередатчик, штабные документы. Партизаны потеряли одного убитого и 5 чел. раненых (НА РБ, ф. 3500, оп. 4, д. 60, л. 788-789).
- 29 НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 49, л. 294.
- 30 Там же.
- 31 Там же, л. 295.
- 32 Там же, л. 303.
- 33 Там же, л. 302.
- 34 НА РБ, ф. 3501, оп. 1, д. 21, л. 27.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же, ф. 3500, оп. 2, д. 50, л. 177.
- 38 Адольф Пильх. Партизаны трех пуц. Варшава, 1992, с. 99 (на польск. яз.).
- 39 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 2, лл. 49, 49об.
- 40 Там же, л. 109.
- 41 В. Пелка уже был командиром, а К. Милошевский и А. Пильх были его заместителями – А. Х.
- 42 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 2, л. 62.
- 43 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 1, л. 56.
- 44 Там же, лл. 115-117.
- 45 Там же, л. 120; ф. 3603, оп. 1, д. 29, л. 84. Д. Феоктистов, отпущенный вместе с другими разоруженными партизанами, был затем по приказу штаба бригады имени Сталина от 10 декабря 1943 г. расстрелян.
- 46 Опубликованный в Лондоне приказ содержит неточности, связанные с переводом. (См.: Армия Крайова в документах. 1939-1945. Т. III, Лондон, 1976, с. 292-293). Неточности допущены и в книге А. Пильха "Партизанци тшех пуц". Варшава, 1992, с. 106-107.
- 47 НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 50, лл. 212-215. Под кличкой "Иква" не Кохутницкий, а поручник Е. Лось, а под кличкой "Гром" – поручник Л. Рыздзевский – А.Х.
- 48 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 1, л. 117.
- 49 Там же.
- 50 Там же, л. 122.
- 51 Там же, ф. 3603, оп. 1, д. 29, л. 7.
- 52 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 1, л. 129.
- 53 Там же, л. 119.
- 54 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 2, л. 59.
- 55 Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 248, л. 115. По свидетельству А. Пильха комбриг С. Ключко во время перестрелки выскочил из дома через окно и спасся. Обезоруженные часовые партизаны Дубровский и Смыков были аковцами освобождены, но затем по приказу комбрига С. Ключко расстреляны перед строем "за притупление бдительности и беспечность".
- 56 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 2, л. 60.
- 57 Там же.
- 58 НА РБ, ф. 4, оп. 29, д. 46, л. 56.
- 59 Там же.
- 60 Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 245, л. 24. По свидетельству А. Пильха аковцы потеряли 42 убитых и раненых, а советские партизаны – 80 – убитых и раненых (А. Пильх. Указ.соч., с. 139-140).
- 61 НА РБ, ф. 3604, оп. 2, д. 12, лл. 49-50.
- 62 НА РБ, ф. 3603, оп. 1, д. 29, л. 258.
- 63 Юры Туронак. Беларусь под немецкой окупацией (пер. с польского). Мн., 1993, с. 174. Эта цифра, на наш взгляд, слишком завышена – А.Х.

- 64 НА РБ, ф. 3602, оп. 1, д. 1, л. 120.
65 Там же.
66 Там же, ф. 1499, оп. 1, д. 1, л. 7-7об.
67 Там же.
68 Д. Феоктистов впоследствии был расстрелян, партизанами как "польский шпион"
– А.Х.
68 НА РБ, ф. 1499, оп. 2, д. 40, лл. 194, 195.
70 Адольф Пильх. Указ.соч., с. 141-146.

ALEKSANDER CHACKIEWICZ

**W SPRAWIE ROZBRAJANIA
POLSKICH FORMACJI ARMII KRAJOWEJ
W PUSZCZACH NALIBOCKIEJ I NAROCZAŃSKIEJ (1943-1944)**

Autor, w oparciu o radzieckie źródła, przedstawia okoliczności i przebieg rozbrajania dwóch oddziałów AK: oddziału AK „Kmicica” w lasach nad Naroczą i oddziału AK por. K. Miłaszewskiego w Puszczy Nalibockiej. We wstępnej części artykułu autor stara się odpowiedzieć na pytanie, jakie były przyczyny tak drastycznych decyzji, gdyż rozbrajaniu towarzyszyły, zwłaszcza nad Naroczą, rozstrzeliwania znacznej części polskich partyzantów. Przyczyny te widzi w wytycznych radzieckiego kierownictwa i na potwierdzenie tego przywołuje tekst okólnika KC KP(b)B z 22.VI.1943 r. „O wojskowo-politycznych zadaniach pracy politycznej w zachodnich obwodach BSRR”, w którym nakazywano zwalczać polskie podziemie, określane jako nacjonalistyczne, wszystkimi dostępnymi środkami. Autor wysuwa, zdaniem redakcji kontrowersyjną tezę, że klucza do tej tragedii szukać też należy w utopijnej „teorii dwóch wrogów”, która, zdaniem autora, pozostawała kamieniem węgielnym polityki polskiego rządu na emigracji.

W artykule przedstawione zostały starania miejscowego kierownictwa zmierzające do likwidacji osób ocalałych podczas rozbrajania (byli na akcjach w terenie) oraz innych oddziałów, a zwłaszcza odbudowanego oddziału „Kmicica”, który wkrótce przekształcił się w brygadę (Brygada Śmierci „Łupaszk”) i Stołpeckie Zgrupowanie Partyzanckie, powstałe w miejsce rozbrojonego oddziału por. K. Miłaszewskiego. Autor przytacza wiele nowych informacji i cytuje nieznanne radzieckie dokumenty, w istotny sposób wzbogacając wiedzę o opisywanych wydarzeniach.